

ПОЛИТИЧЕСКОЕ «СЛОВО» И «ДЕЛО»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Несмотря на то что политическая реальность является объектом изучения политологии, этот феномен до сих пор не имеет четкого научного определения. Более того, практически отсутствуют даже попытки понять и определить природу явления. Анализируя широкий массив социально-философского знания, накопленного к настоящему моменту, автор статьи осуществляет попытку сформулировать современное определение политической реальности.

Ключевые слова: политическая реальность, конструкт, субъект, власть, язык.

«Политическая реальность» — частота, с которой это словосочетание встречается не только в политологических, но и в социологических исследованиях широкой проблематики, не оставляет и тени сомнения, что феномен исчерпывающе определен и понят. Однако действительное положение дел оказывается кардинально противоположным: несмотря на то что именно политическая реальность является объектом политологии, этому понятию уделяется мало внимания.

Существует и другая особенность, которая при ближайшем рассмотрении оказывается второй стороной одной и той же проблемы: исследователи отмечают, что «лингвистическое, дискурсивное и (отчасти) коммуникативное измерение» политики до сих пор «признается не всеми», а политические «дело» и «слово» продолжают «существовать в параллельных реальностях» [1, с. 59]. Эти две проблемы объединяет нечто большее, чем дисциплинарное единство. Начнем с того, что, опираясь на накопленный массив социально-гуманитарного знания, попытаемся дать определение или, по крайней мере, сделать более прозрачной природу политической реальности.

Реальность: от объективно сущего к системе знаков

Слово «реальность», появившееся в позднелатинском дискурсе и понимаемое тогда приблизительно как вещьность (скорее, нежели подлинность) или объективный мир, пережило несколько когнитивных трансформаций. По их результатам можно выделить три основных компонента значения, вкладываемых в тот или иной период той или иной группой мыслителей в понятие «реальность»: реальность как *сущее* или *существующее*), реальность как *существующее вне зависимости от человеческого сознания и воли* и реальность как *материальный мир*. Все эти определения объединяет одно: они осознают реальность, прежде всего, через ее противопоставление не-сущему, не-мате-

* © Тетерин А.Е., 2010

Тетерин Андрей Евгеньевич (andrey_teterin@inbox.ru), кафедра социологии и политологии Самарского государственного университета, 443011, Россия, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

риальному, зависимому от сознания, то есть тому, что условно можно определить как *вымысел*. Вариантами этого противопоставления становятся категории «реальность–миф», «реальность – идеал» и другие бинарные оппозиции, посредством которых осмысляется сама реальность.

Однако в течение XX века, в результате некоторых принципиальных трансформаций в системе знания, таких как, например, кризис онтологии, критика установки на трансцендентное бытие, смерть Автора, дискредитация разума как познавательного основания и других, понимание реальности закономерно меняется и постепенно приходит к трактовке ее как системы знаков, как гипертекста, как эффекта. Эти трактовки объединяет одно – реальность становится конструктом, причем конструктом множественным.

Субъект, присутствие которого, впрочем, всегда предполагалось в понятии вымысла, в XX веке получает неожиданно широкие права. В результате в социально-философской рефлексии прочно укрепляется следующая мысль: «Полагать, что нечто существует реально, равносильно тому, чтобы полагать, что некто полагает, что нечто существует» [2, с. 178]. И далее: «Реальность есть не что иное, как знаковая система, состоящая из множества знаковых систем разного порядка, то есть настолько сложная знаковая система, что ее средние пользователи воспринимают как незнаковую» [2, с. 179].

Социальная реальность: от социальных фактов к социальным представлениям

Социальную реальность, дифференцированную от прочих еще Г. Спенсером, традиционно трактуют как совокупность социальных фактов. Традиционные же концепции природы социальной реальности укладываются в оппозицию реализма и номинализма в социологии. Однако XX век знаменует сдвиг представлений и о социальной реальности. Сначала Бурдьё утверждает ее одновременное и объективное, и субъективное существование. Затем, выходя за рамки представления о сколько-нибудь объективной социальной реальности, исследователи признают последнюю конструктом, например, медийным в трактовке Лумана. Иные все же усматривают нечто реальное, стоящее за социальной реальностью-конструктом, но этим реальным оказывается, как, например, в случае Жижека, «разрушительная Пустота». Шоу – вот чему все более уподобляется социальная реальность, как, например, в знаменитой теории «общества спектакля» Дебора Ги.

Подобные трактовки неминуемо ведут к мысли о множественности социальной реальности (или социальных реальностей) и о ее (или их) зависимости от интерпретации, представления субъекта. Но, пожалуй, впервые и наиболее полно новое положение социальной реальности формулирует Лоран Тевено: представления о социальной реальности множественны (причем не только для разных субъектов, но и для одного субъекта) и напрямую зависят от некоторых социальных факторов, которые в авторской трактовке называются «режимами действий».

Для современного социального ученого становится очевидным еще одна особенность социальной реальности: ее конструирование происходит посредством языка. Именно язык или другие символы создают, по мнению Серля, «институциональные факты», которые и составляют социальную реальность. В этом выводе артикулируется, однако, установка далеко не только социальной науки, стоит лишь вспомнить идеи Ницше, Фуко и Деррида.

Политическая реальность: власть — знание — язык

Существуют два момента, принципиальных для попытки проанализировать сущность политической реальности. Во-первых, политическая реальность строится вокруг феномена политики или шире политического. Во-вторых, политика, в свою очередь, строится вокруг феномена власти. Таким образом, пользуясь логическим законом транзитивности, мы приходим к выводу, что политическая реальность имеет непосредственную связь с феноменом власти.

Начиная с работ Платона власть находилась в центре философской и социальной рефлексии. Однако только современные неклассические трактовки этого феномена сняли традиционно ключевую для него оппозицию «правитель—подчиненный» и вплотную подошли к пониманию структуры «власть—знание». Здесь, несомненно, нельзя не упомянуть концепцию власти Мишеля Фуко, ставшую центральной для современной мысли.

«Генеалогия власти» Фуко описывает современную власть как скрытую, реализующуюся неразрывно со знанием, организующую социальное пространство по принципу «всепоподзорности». Фуко утверждает, что индивидуальное (в том числе знание, способ восприятия) не является независимым, но формируется в человеке властью, дабы изучать и контролировать его. По Фуко, знание не может быть нейтральным или объективным, поскольку всегда является продуктом властных отношений.

Общая направленность последующих неклассических концепций власти заключается в выявлении форм и методов принуждения, осуществляемых помимо сознания индивидов. Парадигма отношений «власть — знание — язык» понимается на практике современного общества как стремление социального института государственной власти контролировать информационные потоки, формирующие знание, управлять ими. Манипуляция этими потоками направлена на формирование определенной «интеллектуальной доксы», то есть способа мышления, восприятия и интерпретации субъектом реальности, которая в итоге предстает не чем иным, как языковым «эффектом реальности». Ведь недаром этот термин, ставший впоследствии ключевым для философии постмодернизма, Ролан Барт впервые употребил именно в связи с лингвистическими исследованиями.

Кроме прочего, активно разрабатываются концепции власти, укорененной в языке и реализующейся в феномене дискурса. Здесь социальная реальность задается не как совокупность социальных вещей, но как дискурсивное пространство. Аналогичным образом рассматривается и реальность политическая. Например, в теории Лакло и Муфф отсутствует деление на дискурсивные и недискурсивные явления, их теория дискурса охватывает все социальные явления. Социальную реальность, которая, по мысли авторов, существует как дискурс, конструируем мы, воспринимающие субъекты, посредством артикуляций, то есть воспроизводства, интерпретации и изменения значений определенных социальных практик. Подобные же воспроизводства или изменения значений являются для Лакло и Муфф в общем смысле актами политическими.

Но вернемся непосредственно к политической реальности. Из вышесказанного становится очевидным, что она легко встраивается в парадигму «власть —

знание – язык» и существует как сложный конструкт, как некая многоуровневая модель представлений, посредством языка сформированная в сознании субъекта. Язык здесь выступает универсальным инструментом конструирования. Что же касается многообразия представлений, многоуровневости модели, то ее определяют и обеспечивают некоторые социальные факторы, реализацию которых может проиллюстрировать понятие еще одной реальности – повседневной. Важными компонентами повседневной реальности, например в трактовке Бергера и Лукмана, являются ее интерсубъективность, «зона физической манипуляции» [3] (иными словами, область труда), включенность тех или иных секторов знания и т.п. В конкретном социальном смысле это понятие реализуется в таких социальных показателях и факторах, как возраст субъекта, его образование, сфера занятости и т.д.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем попытаться ответить на вопрос: что же такое политическая реальность. Учитывая важную роль интерпретирующего субъекта, а также принцип герменевтического круга, распространяющийся в соответствии с сегодняшней научной установкой далеко за пределы традиционно понимаемого текста, мы имеем основания утверждать, что политическая реальность до определенной степени тождественна многоуровневой модели представлений о ней. Эти представления формируются в сознании субъекта посредством языка и знания, транслируемого через информационные каналы, и зависят от конкретных социальных характеристик субъекта.

И, наконец, возвращаясь к двум проблемам, заявленным в начале этой статьи (к вопросу об определении политической реальности и о политических «слове» и «деле»), мы находим точку их пересечения именно в природе политической реальности. Условно говоря, политическое «слово» (в широком смысле «знак») до определенной степени и есть «дело» (в широком смысле «реальность»), и наоборот.

Что же касается достаточно многозначной формулировки «до определенной степени», то необходимо отметить: в перечень задач данного исследования не входило определение демаркационной линии между дискурсивными и недискурсивными аспектами политической реальности. Вот почему мы не располагаем достаточными основаниями для того, чтобы выдвигать гипотезы о том, в какой именно степени политическая реальность тождественна представлениям о ней, а в какой – существует в объективированных формах. Мы полагаем, что данное направление мысли является достойной перспективой дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Хмельцов А.И. Когда «они» говорят о «нас»: политический дискурс-анализ и семиотика внешней политики в междисциплинарной перспективе // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. С. 59–71.
2. Руднев В. Прочь от реальности. Исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

**POLITICAL «WORD» AND «DEED»: TO THE QUESTION
OF DEFINING A POLITICAL REALITY**

Despite the fact that political reality is the object of political science, this phenomenon still has no exact scientific definition. Moreover, even attempts to understand and determine the nature of the phenomenon are very few. Analyzing a wide body of socio-philosophical knowledge gained by modern time, the author of this article makes an attempt to formulate the definition of political reality.

Key words: political reality, construct, subject, power, language.

* *Teterin Andrey Evgenievich* (andrey_teterin@inbox.ru), the Dept. of Sociology, Samara State University, Samara, 443011, Russia.